

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И СЕМЬИ АДЕЛУНГОВ (публикация и научный комментарий)

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-448.2011.6.

Заявлена актуальная проблема современной филологии – сохранение и научная регистрация литературных памятников. Впервые печатаются и комментируются стихотворное послание к русскому поэту К.А. Зедергольма, а также материал переписки В.А. Жуковского с Фридрихом (Федором Павловичем) фон Аделунгом и его сыном Николаем Федоровичем.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; переписка; Аделунг; Зедергольм.

Место и роль В.А. Жуковского (1783–1852) в истории русско-европейских культурных контактов трудно переоценить. Просветитель, сентименталист, первый русский романтик и предвестник «золотого века» отечественной словесности, он официально открыл одну из самых продуктивных направляющих обогащения родной литературы – поэтический перевод. В итоге он обозначил и собственное творческое кредо, прозвучавшее в унисон с переводной сущностью русской культуры: «у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [1. С. 543]. В настоящее время, когда основной корпус художественного наследия поэта доступен в полной

мере благодаря усилиям томской филологической школы, с легкостью выявляется главное направление межкультурного посредничества поэта: ориентация главным образом на немецкую традицию в литературе, науке, искусстве, политике и теологии.

То, что благодаря Жуковскому русская словесность онемечилась, является практически бесспорным, и то, что это равнение на Германию было осознанным, понимали уже современники поэта, как соотечественники, так и иностранцы. Приведем здесь в качестве яркого свидетельства одно донныне не опубликованное немецкое стихотворение, посвященное Жуковскому.

K.A. Sederholm

Bitte der russischen Sprache an ihren Dichter Shukowsky

Du den nur als Herrn ich anerkenne,
Seit ich Witwe ward nach Karamsin,
Höre du mich, den allein ich nenne
Meinen rechten Gatten, wie einst ihn.

Einen Brautschatz fordre ich, die Deine,
Von dem Mann, der sich mein Herz erkor,
Dass nicht angebildet ich erscheine
In der reichbegabten Schwestern Chor.

Jede Gattin fordert neue Kleider,
Neue Wörter ich von meinem Mann.
Denn die schönsten fehlen mir noch leider,
Die ich länger nicht mehr missen kann.

Karamsin schuf neuer Wörter Schaaren,
Da Gesichtskreis* und Gewerbfluss** mir.
Sag' denn, welche Schöpfungen, nach Jahren
Tiefen Schweigens, werden mir von Dir?

Denn mir fehlt, so reich ich bin, noch immer
Sehnsucht, Edel, Ernst, Gemüth und Staat,
Malen und Anbeten. – Soll ich nimmer
Haben, was die deutsche Schwester hat?

Gib denn Wörter wenigstens. – Gesänge
Gibst du so nicht. – Soll ich, böser Mann!
Mich denn nicht durch Deine heilige Klänge
Noch einmal erheben himmelan?

Moskau, den 5. Mai, 1829
[2. Л. 1–1 об.]

Автор текста – Карл Альбертович Зедергольм (1789–1867) – лютеранский пастор, литератор, переводчик, известный в московских образованных кругах, собеседник Хомякова, Киреевского, Голубинского и

К.А. Зедергольм

Просьба русской словесности к ее поэту Жуковскому

Только Ты, которого я признаю мужем (господином),
С тех пор как овдовела после Карамзина,
Послушай меня ты, кого единственно я называю
Своим верным супругом, как когда-то его.

Подарка для невесты я требую от тебя,
Мужчины, покорившего мое сердце,
Ведь я каюсь невеждой
В хоре богато одаренных сестер.

Всякая супруга требует новых платьев,
Новых слов я требую от своего мужа,
Так как самых прекрасных мне недостает, к сожалению,
Без них я дольше обходиться не смогу.

Карамзин создавал для меня новых слов множества,
«Небосклон» и «промышленность»,
Скажи только, какие творения спустя годы
Глубокого молчания будут мне от тебя?

Ведь мне все еще не хватает, как я ни богата,
Томления, благородства, серьезности, души и государства,
Рисования и моления. – Неужели у меня никогда
Не будет того, что есть у немецкой сестры?

Дай же хотя бы слов. – Песен
Ты и так не даешь. – Не должна ли я, злой муж!
Твоими священными звуками
Еще раз подняться к небу?

Москва, 5 мая 1829***

др.; автор немецкого перевода «Слова о полку Игореве» (Das Lied vom Heereszuge Igors. М., 1825) и еще около десятка сочинений на русском и немецком языках, в том числе сборников стихов в честь членов цар-

ской фамилии, учебников географии, истории, латыни и русского, а также духовно-назидательных текстов. В библиотеке Жуковского сохранилась книга молитв, песнопений и проповедей Зедеггольма 1835 г. [3. С. 289]. Из свидетельств знакомства поэта с немецким пастором, а точнее, прямого участия в его судьбе, до нас дошло также письмо А.П. Елагиной от 2 февраля 1838 г., в котором она ходатайствовала за Зедеггольма: «Здесь есть пастор Зедеггольм, прекрасный человек, нравственный и умный, с большим семейством, который живет уроками и говорит иногда проповеди в Лютер<анской> церкви. Ему хочется попасть на упрямое место священника церкви Св. Анны, где был пастор Рейнбогт. – Выбор зависит от прихожан, вот имена их; если из них кто вам знаком, и по рекомендации вашей его пригласят в П<е>т<ер>б<ург>, и сказать несколько проповедей на пробу, и если потом утвердят, то это будет такое благодеяние, в котором никто не раскается» [4. С. 235]. О том, удалось ли Жуковскому исполнить эту просьбу, достоверно ничего не известно. Мы знаем только, что Зедеггольм занял пост пастыря евангелической общины Тулы, Твери, Орла и Калуги. В книжном собрании семьи Жуковских сохранился также оттиск статьи священника о Плинии Младшем, опубликованной в журнале «Прописки» в 1856 г. [5. С. 333]; скорее всего, она была презентована супруге поэта, приехавшей в Россию после смерти мужа.

Шуточное стихотворное обращение немца от лица русской словесности создано в начале мая 1829 г., когда Жуковский находился в отъезде, а именно на пути в Варшаву в свите Николая I. Буффонный сюжет претензий молодой жены к скупому мужу связан с «периодом шестилетнего молчания» [6. С. 169] Жуковского, предвещавшим взлет 1830-х гг. Произведение Зедеггольма интересно, прежде всего, своей непередаваемой языковой игрой: действительно, некоторые слова («Sehnsucht, Edel, Ernst, Gemüth und Staat, // Malen und Anbeten»), о которых он говорит, так и не были воссозданы в русском языке по своей внутренней форме, не калькированы. Они замещены синонимами, образованными от иных основ и, соответственно, имеют иной глубинный смысл. С другой стороны, это обращение открывает нам имидж Жуковского как главы русской словесности. В контексте размышлений о немецких связях поэта этот яркий образ является красноречивым свидетельством абсолютного авторитета романтика на ниве российской словесности в конце 1820-х гг.

С 1800-х гг. и вплоть до кончины поэта его контакты с немецким миром развивались по нарастающей и завершились, как известно, обретением второй, «немецкой родины». В.А. Жуковский прошел долгий путь познания Германии от заочного, теоретического постижения немецкой науки, литературы к освоению немецких литературных моделей и менталитета через общение с самыми известными, в том числе венценосными, ее представителями в России и Германии и, наконец, полному вживанию в «чужую» среду, гармоничному диалогу двух культур в собственной Жизни и Поэзии.

Эпистолярный Жуковский представляет объективную грань его контактов с немецким миром. В своих письмах, по верному замечанию А.С. Янушкевича, по-

эт «воссоздал не только хронику своей личной и творческой жизни, но и своеобразный космос общественной мысли и культуры России и Западной Европы» [6. С. 81]. Эпистолярное наследие поэта во всем объеме позволила увидеть работа над полным собранием сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах, принятая коллективом кафедры русской литературы Томского государственного университета. В процессе создания картотеки эпистолярия Жуковского выявлено около 3000 писем к 330 адресатам.

Обнаруженные нами в зарубежных архивах послания к немецким друзьям открывают неизвестные страницы биографии Жуковского и его современников, дополняют историю филантропических деяний поэта. В рамках данной статьи мы остановимся на одном сюжете из богатейшей биографии поэта – истории дружбы с семьей фон Аделунгов.

Жизненный путь Федора Павловича Аделунга (1768–1843), немца по национальности, получившего при рождении имя Фридрих (Friedrich von Adelung), во многом сходен с судьбой В.А. Жуковского. Назначение воспитателем русских царственных наследников также круто поменяло его жизнь, но не изменило филологических увлечений, а скорее наоборот, предоставило возможность развивать свои научные и литературные интересы на новом уровне. Иностранные языки и литературные традиции, история России и Европы, источниковедение, книги и живопись – это то, что занимало Аделунга, как и его молодого друга и коллегу Жуковского, на протяжении всего творческого пути. Обстоятельства сложились таким образом, что большую часть своих стараний на гуманитарном поприще оба посвятили России, но были неразрывно связаны с Германией, получив последний приют на своей второй родине: Жуковский – в Бадене, Аделунг – в Петербурге. Оба имели детей, связавших свои судьбы с русско-немецким двором в России и Германии: Николай и Мария Аделунг служили при дворе королевы Вюртембергской Ольги Николаевны и императрицы Александры Федоровны (принцессы Шарлотты) соответственно; дочь русского поэта Александра стала морганатической супругой вел. кн. Алексея Александровича, а Павел Жуковский был теснее всего связан с русским двором в Веймаре.

Такое внутреннее сродство, в чем-то зеркальное сходство, Аделунг и Жуковский не могли не ощущать при жизни. Самыми близкими приятелями они, возможно, не были, но поддерживали тесные творческие и дружеские контакты на протяжении нескольких десятилетий. После ухода отца Аделунг-сын стал продолжателем взаимной связи и доверенным лицом Жуковского.

Аделунг-отец, как всякий посредник культурных традиций, имел две стороны облика и две стороны своего наследия: немецко- и русскоязычную. Широкою известностью получили не менее пятнадцати его работ, большая часть которых написана на немецком языке, но издана в России. Первые труды 1796–1800 гг. посвящены рукописям древнегерманской поэзии. В 1803 г. Аделунг был назначен наставником великих князей Николая и Михаила Павловичей. С приездом в Россию в тематику его страноведческих разысканий определи-

лись два неизменных направления: изучение природы и географии российской земли, а также славянская и санскритская филология (языкознание и литературоведение). С 1824 г. он занимал должность директора будущего Института восточных языков и продолжал свою обширную писательскую деятельность.

В личной библиотеке В.А. Жуковского сохранились восемь изданий авторства Ф. Аделунга, вышедших в 1815–1846 гг. Одно из них представляет собой русский перевод сочинения Аделунга о немецком путешественнике бароне А. фон Мейерберге и его наблюдениях о России «Augustin Freiherr von Meyerberg und seine Reise nach Russland. Sammlung von historischen Gebräuchen, Bildnissen, Trachten usw., welche der römisch-kaiserliche Gesandte August Freiherr von Meyerberg auf seiner Reise während seines Aufenthaltes in Russland in den Jahren 1661 und 1662 entwerfen ließ, SPb. 1827» (St. Petersburg, 1827); остальные семь написаны на родном для автора немецком языке. Три книги снабжены дарственными надписями на французском – это работы Аделунга по лингвистике. Первая книга посвящена обзору всех существующих языков и диалектов мира, известных в начале XIX в. (Übersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. Spb., 1820. 185 S.), и имеет на обложке автограф «Monsieur de Shoukowsky hommage de l'Auteur» (Господину Жуковскому в подарок от Автора). Два других издания, подписанных Аделунгом-отцом, касаются его разысканий о санскритском языке и древних памятниках литературы на санскрите. Первый опыт описания литературы на санскрите (Versuch einer Literatur der Sanscrit-Sprache. Spb., 1830. 259 S.) преподнесен автором Жуковскому «в знак признательности и дружбы»; полный текст дарственной надписи гласит: «Monsieur de Joukoffsky en signe d'estime et d'amitie l'Auteur». Второй, доработанный вариант книги, получивший европейскую известность (Literatur der Sanscrit-Sprache. 2. Ausgabe. Spb., 1837. 430 S.), вышел спустя семь лет и также был презентован русскому поэту с такими словами: «A son excellence Monsieur de Joukoffsky hommage de devouement et d'amitie de l'auteur» (Его Превосходительству Господину Жуковскому в знак почтения и дружбы от Автора).

Научно-публицистические травелоги Аделунга представлены в личном собрании Жуковского полностью. Все три значимые книги из этой серии были приобретены романтиком:

1) Siegmund Freiherr von Herberstein. Mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland, geschildert von Friedrich Adelung. Spb., 1818. 513 S. (Барон Зигмунд фон Герберштейн. Путешествия по России. СПб., 1818. 513 с.);

2) Die Korssunschen Thüren in der Kathedalkirche zur heil. Sophia in Nowgorod. Berlin, 1823. 164 S. (Корсунские ворота кафедрального собора Святой Софии в Новгороде. Берлин, 1823. 164 с.);

3) Барон Мейерберг и путешествие его по России / пер. с нем. СПб., 1827. 372 с.

Последняя из работ Аделунга, сохранившихся в собрании Жуковского, издана сыном немецкого филолога Николаем Федоровичем (1809–1878) и снабжена его лаконичным автографом на русском языке: «В.А. Жуковскому от издателя». С раннего возраста он начал дружить с Жуковским и продолжал поддерживать от-

ношения с ним после смерти отца и своего переезда в Германию. Так, в 1846 г. Николай опубликовал сборник очерков отца и собранных им материалов о путешественниках по России в двух томах. Это итоговое издание вышло при поддержке Демидовской премии и было презентовано Жуковскому в приложение к следующим строкам: «Потрудитесь, Ваше Превосходительство, при первом случае известить меня, имел ли я уже честь предоставить Вам экземпляр последнего сочинения моего отца: Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700? Если я еще не исполнил этого долга, то позвольте мне исправить свою вину» [7. Л. 4]. В результате этот двухтомник известных отчетов дополнил книжное собрание русского романтика.

Период интенсивного личного общения Жуковского с Аделунгом-отцом приходится на конец 1810-х – конец 1830-х гг., время самой активной педагогической деятельности поэта при дворе. Одно из самых ярких и ранних свидетельств дружбы с семейством Аделунгов находится в стихотворном наследии романтика. А.П. Кеппен вспоминает: «В.А. Жуковский был прекрасно принят и весьма любим в доме деда моего Ф.П. Аделунга» [8. С. 679–680].

В июне 1819 г. в ходе одного из его визитов в дом Аделунга родилась шутивая эпитафия «В комитет, учрежденный по случаю похорон Павловской векши, или белки, от депутата Жуковского». По свидетельству внука Ф. Аделунга, текст этого стихотворения имел в основе своей немецкий оригинал, «избранная Жуковским надпись, увековеченная его переводом, принадлежала Ф.П. Аделунгу» [8. С. 680].

Далее в воспоминаниях А.П. Кеппена читаем: «Старый слуга деда моего, проходя по павловскому парку и завидев белку, бросил в нее камнем, и, поймав раненное животное, пожелал принести его домой на утеху молодежи. Но увы! зверек, положенный в карман, задохся. Столь грустная смерть белки вызвала блестящие ее похороны и назначен был конкурс для составления надгробной надписи. Всех надписей, писанных на немецком языке, было шесть, и в составлении их принимали участие как Ф.П. Аделунг и дети его, так равно отец мой, академик П.И. Кеппен, и академик Круг. Судьею был избран Жуковский» [8. С. 680].

Речь идет о сотне строк шуточного монолога нечаянно убитой белки. Жуковский выступает в роли судьи, избравшего эпитафию Ф.П. Аделунга для перевода:

Из надписей, мне порученных,
Назначил я одну – и вот
Ее смиренный перевод:
«Веселое дитя природы,
В лесу беспечно я жила,
И в нем довольства и свободы
Изображением была.
Но бросил неизбежный камень
Судьбою посланный Илья,
И вмиг, как будто легкий пламень,
Потухла быстро жизнь моя!
И мне приют могила стала,
И камень тяжкий надо мной;
Но счастье здесь, и я знавала:
Жила и Божий свет был мой!» [9. С. 132].

Существует неоспоримое свидетельство того, что Аделунг-старший, в свою очередь, был в курсе творческих замыслов Жуковского и всерьез принимал его опыты источниковеда и литератора. В переписке Ф. Аделунга с известным немецким лингвистом и теологом, специалистом в области восточных и славянских языков, автором немецких пособий по грамматике польского и русского языков профессором Иоганном Северином Фатером (Johann Severin Vater, 1771–1826) фигурирует имя Жуковского [10]. В частности, в своем письме от 1819 г. Фатер пишет: «После моего возвращения я жадно разыскиваю интересное небольшое произведение «Владимир» и прошу Вас теперь, пользуясь случаем, справиться о его происхождении. <...> Согласно предисловию и примечаниям есть множество песен о Владимире, сложенных устами народа и не записанных, так как то, что существует в письменной форме, кажется из-за примеси современного происходящим из намного позднего времени, в форме фольклорно-поэтической, в которую его хочет обратить Жуковский и тем способом, что ему лучше всего подскажет его чувство. <...> Можно ли надеяться на издание самой древней из всех, что имеются, версий, пусть даже вперемежку с поздней, и на авторство г-на фон Жуковского?» [9. С. 160]. Очевидно, что автор этих строк имел в виду немецкое издание, вышедшее в том же 1819 г. в Лейпциге под заглавием «Князь Владимир и его войско. Древнерусский героический эпос» («Fürst Wladimir und dessen Tafelrunde. Altrussische Heldenlieder»), с которым был знаком и русский поэт, о чем свидетельствуют материалы его личной библиотеки [3. С. 360].

Как известно, на Жуковского в течение десятка лет действительно возлагались надежды как на создателя русской эпопеи «Владимир». Замысел национально-исторической поэмы и планы по его разработке 1805–1819 гг. не были воплощены, но изучение исторических и фольклорных первоисточников породило многие романтические баллады и поэмы, созданные параллельно и в тесной связи с «Материалами для Владимира». Поэтическое творчество воспринималось Жуковским в это время как нечто промежуточное. Он серьезно занимался чтением исторических источников, сбором материала для нереализованного замысла волшебнo-исторической эпопеи, и в этой связи, во многом благодаря Аделунгу, имя русского поэта было знакомо немецким филологам-славистам.

В рукописных отделах центральных архивов России и Германии нам удалось обнаружить пять посланий Жуковского Фридриху и Николаю Аделунгам, а также ответные письма Аделунга-сына русскому поэту. Эпистолярное общение с Аделунгом-старшим относится к 1820-м гг., три коротких французских записки Жуковского, исходя из их содержания, были переданы адресату в пределах Петербурга. Они представляют собой выразительный фрагмент общения учительствующих при дворе ярчайших творческих личностей. Главным коммуникативным поводом переписки являются букинистические интересы любознательного Жуковского, ревностно следившего за новинками современной ему европейской гуманитарной литературы и служившего помимо прочего посредником между ней и русским

царским двором. Так, всего лишь в трех коротких записках фигурируют издания трех авторов, полученные поэтом или запрашиваемые у Аделунга.

Переписка Жуковского с Николаем Федоровичем Аделунгом представляется более полноценной и богатой с историко-филологической точки зрения. Обоюдные послания на русском языке касаются в первую очередь новостей из жизни царской фамилии и русского двора в Дармштадте, при котором служил молодой Аделунг. В каждом его письме выражаются самые теплые чувства и глубокое уважение к Жуковскому как воспитателю наследника и другу отца, память о котором Николай свято хранил, став издателем его трудов после смерти.

Обращение Жуковского к младшему Аделунгу связано скорее с внешними обстоятельствами, а именно с доставкой долгожданных посылок из России. Однако этот, на первый взгляд, малоинтересный, чисто бытовой сюжет открывает параллельно целую палитру чувств и настроений партнеров по переписке и широкую картину русско-немецких контактов в лицах. В 1840-е гг. Жуковский находился вдалеке от России, от близких ему соотечественников, и тем более ценным стало для него посредничество Николая Аделунга.

Далее мы приводим оригинальный текст трех французских записок В.А. Жуковского к Ф. фон Аделунгу с русским переводом, паспортом, кратким текстологическим и реальным комментариями; следом публикуем два письма к Николаю Федоровичу Аделунгу с выдержками из ответных посланий, поясняющими историю посылок. Выбранный формат представляется наиболее выгодным, поскольку позволяет наглядно презентовать впервые публикуемые тексты. Письма печатаются по автографам с сохранением характерных особенностей орфографии и синтаксиса подлинника. Слова, подчеркнутые Жуковским или выделенные курсивом, даются в той же графике, без специальной оговорки. Перевод с французского выполнен нами в соавторстве с Н.А. Рудиковой.

1. Фридриху фон Аделунгу

(14 декабря 1829 г., Санкт-Петербург)

J'ai voulu venir moi même vous remercier pour votre cadeau¹, cher ami et voila pourquoi j'ai tardé de vous repondre; mais depuis une semaine je garde la chambre muni d'une fluxion² et cela m'a empêché de remplir mon projet. Je sors aujourd'hui pour un moment pour aller au palais Anitschkoff; mais c'est pour m'enfermer denouveau. Si l'envie vous prend de venir me voir, le momen le plus propice est entre 7 et 8 heures de l'apresmidi. Je vous embrasse de tout mon coeur et je vous restitue mes remerciements, pour votre souvenir. J'ai remis les exemplaires destines au grand Duc et au general Merder³.

Tout à vous
Joukoffski

14 Decembre 1829

Перевод

Я даже хотел было приехать сам, чтобы поблагодарить Вас за подарок¹, дорогой друг, и поэтому медлил с ответом, всю неделю я присматривал за комнатой, оснащенной простудой, и это помешало мне осуществить мой план. Сегодня я вышел на минуту, чтобы сходить в Аничков дворец, но потом вновь запереться. Если у Вас появится желание прийти навестить меня, то наиболее благоприятное время –

между 7 и 8 часами вечера. Обнимаю Вас от всего сердца и шлю Вам ответ с благодарностью за подарок. Я передал экземпляры, предназначенные великому князю и генералу Мердеру².

Полностью в Вашем распоряжении,
Жуковский

14 декабря 1829 г.

Автограф: ОР ИРЛИ (ПД), ф. 457, № 3, л. 1–2. На двойном листке бумаги, свернутом в конверт; на л. 1 надпись рукой Жуковского «A Monsieur Monsieur Adelung».

¹Возможно, речь идет о русском переводе книги Ф. фон Аделунга August Freiherr von Meyerberg und seine Reisen in Russland. Sammlung von historischen Gebräuchen, Bildnissen, Trachten usw., welche der römisch-kaiserliche Gesandte August Freiherr von Meyerberg auf seiner Reise während seines Aufenthaltes in Russland in den Jahren 1661 und 1662 entwerfen ließ, Spb., 1827, вышедшем в том же году под заглавием «Барон Мейерберг и путешествие его по России» (СПб., 1827).

²Мердер Карл Карлович (1788–1834), генерал-адъютант, воспитатель наследника российского престола Александра Николаевича.

2. Фридриху фон Аделунгу

<Санкт-Петербург>

Ne pourrez vous pas me procurer les memoires de Hoffman¹? L'Empereur restera a Peterbour ces deux jours! J'aurai le tems de finir le livre et de le renvoyer. J'ai prié hier Mr Utécht² de me le procurer et encore les memoires de Lignet³ sur la bastille. Je ne sais pas s'il y a pensé.

Tout à vous
Joukoffsky

Перевод

Не могли бы Вы достать для меня записки Гофмана¹? Император останется в Петербурге в течение этих двух дней! У меня будет время закончить книгу и отослать ее. Я попросил вчера мсье Утехта² достать для меня еще и записки Линя³ о крепости. Я не знаю, думал ли он об этом.

Полностью в Вашем распоряжении
Жуковский

Автограф: ОР ИРЛИ (ПД), ф. 457, № 3, л. 3–4. На листке бумаги, свернутом вдвое; на л. 4 об. адрес «Mr Adelung», без указания места и даты.

¹В личной библиотеке поэта сохранилось только собрание сочинений Э.Т.А. Гофмана в двух томах (Die Serapionsbrüder. Gesammelte Erzählungen und Märchen. Herausgegeben von E.T.A. Hoffmann. Bde 1 – 2. Berlin, G. Reimer, 1819), с пометами в первом томе.

²Утехт – подробных данных об этом придворном нами, к сожалению, не найдено.

³Возможно, имеется в виду сохранившаяся в библиотеке Жуковского книга Ш.Ж. Линя (1735–1814) «Philosophie du catholicisme» (Философия католицизма. Берлин, 1816).

3. Фридриху фон Аделунгу

<Санкт-Петербург>

Je ne crois pas que Tourgenef¹ soit à Sarskoe Selo, mon cher. Adressez la lettre à Boulgakoff²; c'est le plus sur et le plus prompt. Envoyez la moi; je l'enverrai à Boulgakoff.

Tout à vous
Joukoffski

Перевод

Я не уверен, что Тургенев¹ будет в Царском Селе, мой дорогой. Адресуйте письмо Булгакову²; это надежнее и быстрее всего. Пришлите его мне, я отправлю его Булгакову.

Полностью в Вашем распоряжении
Жуковский

Автограф: ОР ИРЛИ (ПД), ф. 457, № 3, л. 5–6. На листке бумаги, свернутом вдвое.

¹Тургенев Александр Иванович (1784–1845).

²Булгаков Константин Яковлевич (1782–1835), управляющий почтовым ведомством и петербургский почт-директор в 1819–1835 гг.

4. Николаю Федоровичу Аделунгу

(1/13 октября 1849 г., Баден-Баден)

Не осердитесь на меня, любезнейший Аделунг, а я не могу не попенять Вам. Вчера я услышал от Коцебу¹, что Вы имеете ко мне посылку из Петербурга. Как же это могло случиться, что Вы ее так долго задержали и мне не доставили². Вы весьма одолжите меня, если не замедлите присылкою; я с тем большим нетерпением буду ее ожидать, что давно жду уведомлений из Петербурга о делах моих и не получаю на мои письма ответа.

Прошу Вас в то же время уведомить меня о здоровье Государыни Великой княжны³. Передайте мой дружеский поклон Князю Горчакову⁴ и Штофрегену⁵. Желаю Вам здоровья и всяких радостей.

Преданный Вам

Жуковский

1/13 октября 1849

Bade-Bade. Maison Kleinmann⁶.

Автограф: GSA 96/2650 (Архив Гете и Шиллера в г. Веймаре), л. 1, на л. 1 об. штемпель «Баден 13 окт. 49», адресовано Аделунгу в Штутгарт, адрес на французском языке (A Monsieur Adelung secretaire de S.A.J/ madame la Premier Royale de Wurtemberg a Stuttgart). На двойном голубоватом листке.

¹Коцебу Вильгельм Августович (Wilhelm von Kozebue, 1813–1887) – сын Августа Коцебу, русский посланник в герцогстве Баден, Швейцарии и Саксонии, литератор и переводчик.

²Ситуация с посылками проясняется в ответном письме Аделунга-сына к Жуковскому от 14 октября 1849 г. Н.Ф. Аделунг сообщает «истинную историю посылок»:

«Скоро после моего отъезда в С. Петербург явился ко мне Родионов с просьбою отправить их Вашему Превосходительству две «маленькие» посылочки. Я ему ответил, что крайне рад буду услужить и просил его доставить ко мне посылки с обещанием отправить при случае. В течение зимы предвиделось мало экспедиций. Через несколько дней я нашел у себя, не помню, 4 или 5 довольно больших посылок на Ваше имя. Невозможность отправить все была явственна, несмотря на то я и тут не хотел отказать себе в удовольствии Вам услужить, и я оставил у себя посылки до поры до времени. С той поры по отъезд мой из Родины отправлен был только один Фельдьегер в Студгарт; и я отправил с ним сколько можно было, не обременяя его: кажется две, а может быть, и одну только посылку. Это Вы верно запомнили. Не получив от Вас даже извещения о получении, я не могу наверное теперь определить число. – Осталось у меня 3 посылки. Когда пришлось собираться в путь обратный, у меня самого не было места для чужой клади, но женины и свои вещи даже я должен был в ящиках отправить из Стеттина в Студгарт через Комиссионера. Предвидя это и не имея при этом никакого права ввозить в <нрзб.> чай и другие предметы в запечатанных посылках, я с сожалением приказал было уже отдать Ваши посылки обратно г. Родионову, когда узнал, что в одном из больших ящиков с вещами Великой княгини, которые велено мне было везти с собою (ибо Ее высочество даже оставили большую часть своих вещей до случая в С.П.б.) я к счастью вспомнил о Ваших посылках и таким образом успел их провезти по настоящему Контрабандою. – Прибывши сюда, я узнал от Коцебу же, что Вы в России, и искренно Вам сознаюсь, что тогда сердился на себя, что возился с Вашими посылками. Перед самым отбытием своим отсюда Коцебу мне сказал, что Вас увидит в Бадене, и я поручил ему предварить Вас о посылках, которые намерен был отправить вслед за ним, что и будет исполнено завтра.

Уф! – Теперь скажите мне по совести, имеете ли Вы право на меня гневаться и упрекать меня, или не заслужил ли я хоть про форма Спасибо??? Что Вы полагаете, чтобы ожидаемые Вами давно извещения из С. Петербурга были в посылках, этого я не по-

стигаю, ибо слишком должен уважать Вашего корреспондента, чтобы полагать его способным заключать в посылки с чаем и книгами важные извещения. — Будьте уверены, что таковых в этих посылках не найдете.

Упрекнул бы меня кто другой, я бы не отвечал, но Вы, Василий Андреевич, когда меня упрекаете, то мне жаль, ибо я Вас от всей души уважаю и привязан к Вам и потому желаю, чтобы и Вы меня не неуважали. — Но довольно об этом» [7. Л. 4–5].

³ Великая княжна Ольга Николаевна (1822–1892), королева нюртембергская. Адресат Жуковского в ответ сообщает ему следующее: «Если бы я не полагал Вас, по слухам, в России, я бы давно уже Вам сказал, что Ее высочество прибыла сюда совершенно здоровою. Она поправилась, видимо, на родном воздухе и от родной Любви — дай Бог, чтобы тут ничего не помешало Ей сохраниться! Душа ее отдохнула в кругу августейшего семейства в любви и преданности общей. Петербурга и Москвы народ громко и от чистой души радовался опять увидеть Царевну Русскую, <нрзб.> но сколько пострадавшую душой в Неметчине взбеленной, и Ей отрадно было увидеть опять народ, преданный своему царскому Дому и набожный, верующий» [7. Л. 4–5].

⁴ Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), князь, дипломат, русский поверенный во Флоренции, первый секретарь в Лондоне, впоследствии министр иностранных дел.

⁵ Очевидно, имеется в виду К.К. фон Штофреген (род. в 1767 г.), лейб-медик императрицы Елизаветы Александровны.

⁶ Баден-Баден. Дом Клейнмана (франц.).

5. Николаю Федоровичу Аделунгу (13/25 октября 1849 г., Баден-Баден)

Вчера я получил посылки, привезенные Вами мне из Петербурга, любезнейший Аделунг, и спешу поблагодарить Вас за доставления¹. Увидя целых четыре ящика, я ужаснулся и сердце мое исполнилось благоговения перед теми хлопотами, которых должно быть Вам стоила укладка этой обузы и вместе с Вами пожурил самого себя за мои нетерпеливые требования, за которые, впрочем, Вы дали мне такую нахлобучку в грозном письме Вашем. Каюсь и винюсь. И чтобы Вас умилиستивить, посылаю Вам второй том Одиссеи. Она доставлена будет Вам прямо из типографии. Один экземпляр принадлежит Ее Высочеству; прошу Вас ее положить к

столам ее. Я сам бы это сделал, но со времени моего возвращения из Варшавы мне все не здоровится; сижу на диете; остерегаюсь простуды; пью вейльбахскую воду — эти досадные обстоятельства препятствуют мне и думать о поездке в Штутгарт. Прошу Вас довести это до сведения Ее Императорского Высочества. Прощайте, будьте здоровы, и не сердитесь на

Преданного Вам
Жуковского
13/25 октября 1849
Баден

Автограф: GSA 96/2650 (Архив Гете и Шиллера в г. Веймаре), л. 3–4. На двойном листке голубоватой бумаги, штемпель от 26.10, адрес по-французски Аделунгу в Штутгарт.

¹ См. об истории посылок в комментарии к предыдущему письму к Н.Ф. Аделунгу (от 1/13 октября 1849 г.).

Эпистолярный Жуковского полисемантичен, и каждый персональный сюжет в нем представляет собой выражение одной из сторон литературного быта (см., например: [11–14]). Переписка с Аделунгами, во-первых, отражает две стороны личности поэта — добродушные и педантичные в отношении к вопросам нравственности в жизни и поэзии. Во-вторых, этот диалог в письмах, начавшийся по-французски в Петербурге в 1810-х и продолжившийся на русском языке в Германии 1840-х гг., скрывает в себе интересные картины русско-европейского придворного быта двух монарших домов. И, наконец, в текстах посланий вполне узнаваема та философия братства, сообщества, своеобразный стиль, внедренный Жуковским в русскую эпистолярную культуру, где неразделимы серьезное и шутовское, литературное и бытовое.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Небосклон.

** Промышленность.

*** Подстрочный перевод стихотворения выполнен мной — Н.Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский В.А. Письмо к Н.В. Гоголю от 6 (18) февраля 1847. <Франкфурт-на-Майне > // В.А. Жуковский. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М. ; Л., 1960.
2. Sederholm K.A. Bitte der russischen Sprache an ihren Dichter Shukowsky (1829) // Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки. Ф. 286 (2). № 214.
3. Лобанов В.В. Библиотека В.А. Жуковского: Описание. Томск, 1981.
4. Жиликова Э.М. Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной, 1813. 1852. М., 2009.
5. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск, 1985.
6. Янушкевич А.С. Неопубликованные письма В.А. Жуковского: по московским и петербургским архивам // Русская литература. 2009. № 3. С. 81–104.
7. Аделунг Н.Ф. Письма к В.А. Жуковскому // Отдел рукописей ИРЛИ. Онегинское собрание, 27.898. (б.д.)
8. Кеттен А.П. В.А. Жуковский в Павловске. 1820 г. // Русская старина. Март. 1883. С. 679–680.
9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М., 2000. Т. 2.
10. Vater J.S. Johann Severin Vater — ein Wegbereiter der deutsch-slavischen Wechseltätigkeit (Zu Vaters slawistischen Studien im Lichte seiner Briefe an Friedrich Adeling in Petersburg). Hrg. von E. Winter und E. Eichler. Leipzig, 2000.
11. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и К. фон Зейдлица: русско-немецкий диалог // Русская литература. 2011. № 1. С. 95–120.
12. Никонова Н.Е. Переписка В.А. Жуковского и немецких художников-назарейцев (публикация и научный комментарий) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 99–109.
13. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и Х.А. Тидге // В.А. Жуковский: исследования и материалы. Томск, 2011. С. 232–244.
14. Никонова Н.Е. Неопубликованные письма В.А. Жуковского из немецких и русских архивов // La revue russe. Paris, 2011. LXXXII/3. P. 495–512.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 мая 2012 г.